

Сильвия Лайл

УМОЛЯЙ, ВЕДЬМА

2



RUGRAM

Москва
2025

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Л18

Лайм, С.

Л18 Умоляй, ведьма. Часть 2 / С. Лайм. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2025. — 280 с. — (Умоляй, ведьма).

ISBN 978-5-517-12634-4

Я влипла по уши. Бабулино наследство оказалось с сюрпризом, королевский Отбор — ширмой, а моя хмурая птичка — и не птичкой вовсе, а самым черным магом Вальтариума! Все пошло наперекосяк! Даже инициация, которую я мечтала пройти с детства, грозит мне смертью. Чего уж говорить об остальном? Но хуже всего одно: колдун, привязанный ко мне нерушимой клятвой, кажется, мечтает вырвать мне сердце, чтобы стать сильнее. И совершенно не догадывается, что мое сердце и так уже его...

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-12634-4

© Сильвия Лайм, текст, обложка, 2025
© RUGRAM, 2025
© Т8 Издательские технологии, 2025



ГЛАВА

*4 число месяца Костлявых ручьев.
Замок Антрацитового принца*

У меня не было слов, чтобы выразить то, что творилось внутри. Казалось, я вот-вот сгорю на месте.

От шока.

Стыда.

Злости и раздражения.

Во мне кипело столько разнообразных эмоций, что трудно было дышать. И еще сильнее возмущало то, что Хмуре (или как там теперь его звать?..), кажется, совершенно наплевать на это. Более того, он явно, как обычно, насмехается надо мной!

Только теперь он был при этом не вороном, которому, в принципе, я готова была что-то и простить. Нет, теперь он был человеком. Да еще и голым!

— Почему ты не сказал, что ты... — наконец смогла выдать, хоть и сильно запинаясь. Я махала рукой, пытаюсь подобрать слова и одновременно не глядеть на все выступающие части мужского тела.

А поглядеть было на что.

До этого момента я никогда не оказывалась в подобной ситуации! При том, что обнаженным мужчиной меня вообще-то было не напугать: в приюте мы с девчонками пару раз сталкивались и с купающимися голышом товарищами, и даже с теми, кто нарочно раздевался, чтобы произвести впечатление.

Это им удавалось, хотя вовсе не в том ключе, на который они рассчитывали.

В общем, в данный момент я хоть и была смущена, но не настолько, чтобы падать в обморок.

Однако стоило признать также, что сейчас я испытывала совсем иные эмоции, чем с товарищами по приюту. Передо мной стоял не тощий пацан, которого всю жизнь с детства кормили одной кашей и супом на костях. Это был взрослый мужчина с потрясающим рельефом сильного тела, с гладкими и литыми мышцами, на которых красиво играли огненные блики. И...

В общем, да, все, что располагалось ниже аккуратных выпуклых кубиков пресса, я старательно игнорировала, заливаясь краской.

— Почему ты не сказал, что ты человек?! — повторила я, шумно сглотнув и через силу отворачиваясь в сторону камина, лишь бы не глядеть туда, куда сам собой падал взгляд. — И, зажуй тебя дракон, оденься!

Краем глаза я видела, как усмехнулся мужчина, как изогнулись мягкие алые губы, словно их владельца веселила моя реакция.

Теперь вот стало еще более неловко!

От этого и оттого, что стоило негодяю улыбнуться, как я мгновенно вспомнила вчерашний сон.

По спине прокатилась волна жара.

— А что бы изменилось, если бы я сказал? — прозвучал его низкий бархатистый голос, от которого у меня внутри будто кто-то провел кончиком лебединого пера.

Точно так и звучал его голос у меня во сне... Словно я знала заранее...

В висках запульсировало. На короткий миг я даже решила, что опять уснула и все, что сейчас происходит, — просто какой-то затянувшийся кошмар.

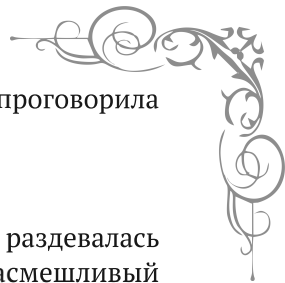
— Что бы это изменило? — переспросила, боковым зрением наблюдая, как мужчина чуть ленивым движением взял шелковый халат с кресла, отделанного золотыми клепками, и накинул себе на плечи. Я тут же позволила себе повернуть голову и снова посмотреть на него. Теперь было вроде как не стыдно.

Однако то, что обнаженный мерзавец оделся, почему-то не слишком помогло. Я все еще краснела, невольно замечая, как облегает тонкая ткань мощные округлости мужского тела.

Мне все еще было жарко.

Очень жарко.

— Это бы изменило все! — воскликнула я, никак не приходя в себя. Мозг отказывался признавать то, что видел. Отказывался сопоставлять прошлое с настоящим. — Если бы ты сказал, что ты



человек, я... не пыталась бы кормить тебя червями! — проговорила я, нервно вспоминая все наши диалоги с вороном.

Мне становилось все хуже.

Я погрузила пальцы в волосы, напряженно сжав.

— Я бы вела себя с тобой как с человеком. Я бы... не раздевалась при тебе! — почти взвизгнула я, снова поймав его насмешливый взгляд.

Мужчина тем временем подошел к большому каменному столу, за которым он, судя по всему, планировал отдохнуть, и взял с него высокий, окованный золотом бокал с темно-медной жидкостью. Затем сделал глоток, не сводя с меня все того же пронизывающего зеленого взгляда, от которого вчера во сне я таяла, как медуза на раскаленном песке.

И тогда мне вдруг стало ясно, что извиняться он не будет. И объясняться тоже. Это же Хмурия! Мой злобный мрачный ворон, который не делает ничего просто так. Пусть теперь он выглядит иначе, но начинка-то осталась прежней!

— Так ты... — выдохнула я и подавилась словами. — Я полная дура, — констатировала факт, прикусив губу от заполонившей сердце обиды.

Черные брови мужчины иронично приподнялись, а затем он просто кивнул:

— Ага, так и есть.

Смягчать удар он точно не собирался.

Во рту появился привкус горечи. Я сжала руки в кулаки и через силу спросила:

— Тогда ответь хотя бы, почему ты стал помогать мне после того, как я привязала тебя фактически как раба? — мне нарочно захотелось провести такое яркое сравнение, чтобы хоть немного его задеть. А еще понять, почему все же он не попросил освободить его? Неужели потому, что пожалел девчонку, которая сделала его, великого мага, прислужником?

Ведь я-то была не в курсе, что разрывание договора могло меня убить. А он — солгал бы, да и все — в тот же день был бы свободен. Мне, может быть, даже удалось бы выжить.

Ведь человека я удерживать возле себя не стала бы! Чай не кот и не пес, которых люди издревле тащат к себе в дома, ни разу не поинтересовавшись, хотят они того или нет. Я-то думала, что ворону будет привычно иметь хозяина, который кормит его, гладит, общается. И хоть, как оказалось, моему фамильяру не нужно было ничего из перечисленного, меня это ни разу не навело на мысль,

что передо мной вовсе не птица, а человек. Ведь это было просто невозможно.

И до сих пор кажется таким.

— Ты мог отказаться прислуживать мне! — продолжала я. — Ты бы признался, я бы сняла заклятье!

Мои слова не произвели на Хмурю ни малейшего впечатления. Он глядел на меня так же спокойно и насмешливо, как и прежде.

— Ты помнишь, — проговорил он неторопливо, оглядывая меня с ног до головы, как диковинного зверя. Словно не он здесь единственный в мире маг, сумевший обратиться в животное, а я — какая-то неведомая птица. — Как только ты привязала меня кровавым договором, я был страшно зол. Тогда я улетел не только потому, что видеть тебя не желал, — усмехнулся он как-то мрачно. — И я не просто так проводил время где-то в лесу Ирмабеллы, ругая тебя на все лады. Нет, — покачал головой он, глотнув еще жидкости из бокала, и я начала замечать, как его светлая кожа покрывается румянцем, губы становятся ярче. И теперь его лицо, обрамленное черным водопадом волос, выглядело еще выразительнее. — Я пытался понять, можно ли разорвать договор хоть каким-нибудь способом, — продолжал он невозмутимо. — У меня есть... возможности узнать то, что требуется. И когда я понял, что даже твоя смерть не разорвет договор на крови, а напротив, грозит смертью и мне, то, к сожалению, оставался лишь один выход — быстрее инициировать тебя. И освободиться.

У меня воздух застрял в гортани, перед глазами потемнело.

— Ты... хотел меня убить? — выдохнула я, с трудом устояв на месте.

Очень хотелось перестать с ним разговаривать, исчезнуть куда-нибудь... показать свои истинные чувства.

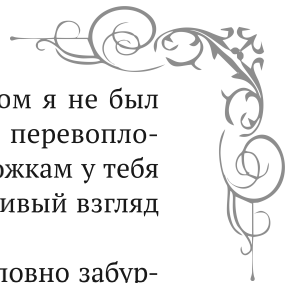
Но я не стала этого делать. Даже когда мужчина, стоящий передо мной, был простым вороном, он слишком хорошо ощущал чужой страх и умел играть на нем, как на струнах изощренного музыкального инструмента. Чего ждать от человека, от черного колдуна, я не представляла даже примерно.

А он тем временем жестко усмехнулся, бросив на меня взгляд, полный хищного вызова. Превосходства.

Мне еще сильнее захотелось убежать отсюда. Так быстро и так далеко, как только возможно.

Вот только это нереально.

А мужчина между тем спокойно перевел взгляд на огонь, тихо потрескивающий в камине, и сказал так, словно я его ни о чем не спрашивала:



— Знаешь, Мартелла, я довольно устал. Человеком я не был весьма давно и лишь недавно получил способность перевоплощаться хотя бы по ночам. Кстати, благодаря многоножкам у тебя в подвале. — Он бросил на меня очередной насмешливый взгляд и подмигнул.

От этого простого жеста я ощутила, как в венах словно забурлили крохотные пузырьки.

Как этой ночью...

Со вчерашнего дня со мной словно случилось что-то. Что-то неправильное, ненормальное.

— В общем, у меня не так много времени, всего лишь до утра, — продолжал говорить он, вдруг приближаясь ко мне, отчего я невольно начала отступать к двери.

А колдун улыбался...

— Так что, будь добра, — проговорил он мягко, когда моя спина уперлась в стену возле двери, — пойди отдохни, прими ванну. Краны работают, стоит только дотронуться до разноцветных кристаллов. Всего хорошего.

С этими словами он открыл дверь и бесцеремонно вытолкал меня за порог.

В висках громко пульсировало, и, к сожалению, меняхватило лишь на то, чтобы, затаив дыхание, задать один-единственный вопрос:

— Как тебя зовут, колдун?..

Мягкие губы мужчины снова изогнулись в улыбке.

— Уверен, ты устала за сегодняшний день... девочка... — проговорил он чуть хрипло.

Я вздрогнула, словно по всем нервам разом ударили хлыстом.

В голове, как вживую, прозвучал шепот из сна:

«Ведьмочка-девочка...»

Но почти сразу же наваждение исчезло, сменившись бешенством, потому что этот негодяй захлопнул дверь прямо перед моим носом!!!

— Волшебненько, — только и сумела выдохнуть я.

Вот же... челудовище!



ГЛАВА 2

*4 число месяца Костлявых ручьев.
Покои Антрацитового принца.*

Дрейгон оперся локтями о каменные поручни широкого балкона собственных покоев и, на миг закрыв глаза, глубоко втянул прохладный ночной воздух. Ветер обдувал его светлую, давно не тронутую солнцем кожу, и точно так же, как в первый раз после пятнадцати лет заточения, он наслаждался этим ощущением.

Свобода не надоедала. Не могла надоесть.

Он был скован страшным заклитием полтора десятилетия. Тело птицы, разум человека...

Что может быть хуже?

Когда-то он думал, что ничего. Даже смерть была бы милосерднее.

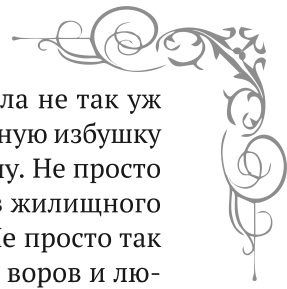
Но он повзрослел. Годы меняют всех. Годы способны сломать даже такого, как он.

И теперь он не мог надышаться. Воздух, входящий в человеческие, а не вороньи легкие, казался сладким на вкус...

Впрочем, Дрейгон не считал себя сломленным. После стольких лет безуспешных попыток накопить достаточно мощи, чтобы стряхнуть чужое заклитие, он наконец нашел способ сделать это. Чужая магия, окружающая его астральный облик и изменяющая все его телесные структуры, начала разрушаться.

И все благодаря Мартелле Довилье. Слабенькой недоведьме из детского дома.

Кто бы мог подумать?..



Впрочем, сама Мартелла, по всей видимости, была не так уж и слаба, как думала. «Узы крови», запирающие волшебную избушку Ржавой вдовы, не просто так пропустили лишь ее одну. Не просто так они отбрасывали на десяток метров сотрудников жилищного учета, желающих заработать на бесхозном домике. Не просто так древняя магия не пускала на порог случайных зевак, воров и любителей легкой наживы. Неспроста она не пропустила и родных сестер Мартеллы, заставив их уйти прочь с обожженными руками и перекошенными от злости лицами.

Да-да, Дрейгон видел, как это произошло. В тот миг он впервые подлетел к зачарованному сильнейшей магией строению, пытаясь найти в него самый безопасный вход.

В тот день ни сестры его недоведьмы, ни кто-либо другой не сумели попасть внутрь, потому что истинной наследницей черной колдуньи по прозвищу Ржавая вдова была лишь одна девушка. Та, что обладала достаточной силой для того, чтобы дом ее признал.

Мартелла Довилье.

И именно это оказалось для Дрейгона самым большим сюрпризом. Он-то, сумев проникнуть в зачарованное жилище благодаря тому, что фактически являлся не человеком, а птицей, надеялся на то, что дом надолго останется без хозяина. И ему, истинному черному, удастся исправить хотя бы часть из своих ошибок.

Но Мартелла...

Мартелла...

Она не только сломала его план, но и умудрилась заключить кровавый договор, привязав к себе сильнейшего колдуна.

Хороший ход... для будущей черной ведьмы. Ведь, объективно говоря, с таким потенциалом, как у нее, девочке никогда не пройти инициацию самостоятельно.

Он в свое время не смог этого даже с помощью опытных наставников.

И вот, едва выпустившись из приюта, эта малышка провернула фокус, который не удался бы и сильному, матерому волшебнику.

Привязать его! Антрацитового принца!

Дрейгон мрачно усмехнулся, вспоминая тот день.

Впрочем, ему не было весело. Ему уже много лет не было по-настоящему весело. С тех пор, как из его сердца исчез свет, замененный мраком трясиновых пауков, он мало что ощущал. Разве что злость, раздражение, гнев, усталость... иногда презрение.

И если он и смеялся, смех был, как правило, черным. Как и тот юмор, на который он еще был способен.

Потому что в сердце было холодно и пусто.

Когда-то давно Дрейгон этого даже не замечал. Теперь, спустя пятнадцать лет одиночества, отсутствие чувств буквально отдавалось в каждом нерве.

Повсюду был тлен и безразличие.

Кажется, даже жажда мести со временем померкла. Утонула в обсидиановом мраке.

Впрочем, в последнем Дрейгон не был особенно уверен.

Новый порыв ветра взметнул вверх его длинные волосы. Густые пряди всколыхнулись, перемешавшись с ночной тьмой, и колдун открыл глаза.

Зеленые радужки на миг вспыхнули ярче тысячи звезд.

— Все еще хочешь убить брата? — раздался совсем рядом негромкий, чуть скрипучий голос.

Мужчина повернул голову и встретился взглядом с каменной статуей на углу балкона. Некрупная горгулья с легким хрустом моргнула, будто стряхивая с себя вековой сон. Ее глаза зажглись ядовито-желтым, и, если приглядеться, очень отдаленно этот блеск напоминал тот самый, которым иногда зажигались его собственные радужки.

— Ты всегда улавливала отголоски моих мыслей, — спокойно проговорил Дрейгон и снова отвернулся так, словно разговаривал не с ожившей статуей, а с кем-то настоящим, живым.

Брат... Король Джоксар Первый, прозванный Лютоглавым за то, что начал гонения на колдунов. Пятнадцать лет назад Дрейгон был уверен, что убьет его.

Ему было за что злиться на брата.

Снова прикрыв на миг веки, он, как вживую, увидел события того дня, когда Антрацитовый принц едва не стал Антрацитовым королем...

В то холодное утро месяца стальной стужи он вот так же стоял на балконе собственного замка. С одной лишь разницей — у подножия неприступной стены выстроились сотни и тысячи людей. Солдат, готовых к тому, чтобы пойти за ним, Антрацитовым принцем. Готовых кровью добыть для него престол.

Еще до изгнания из Лебединого дворца у Дрейгона было множество друзей и последователей. Пока в его сердце не поселился лед Лашкарахеста, поговаривают, что он был веселым и открытым человеком. Сам принц этого почти не помнил, но, судя по тому, что среди его приверженцев оказалась прямо-таки толпа высокопоставленных придворных и министров, приходилось с этим соглашаться.